(Она понимала, что Генма-сан сказал, что Суна дважды обманул Орочимару, поскольку тот убил их Казекаге, но это мало утешало: их предполагаемый союзник все равно приложил руку к убийству их Хокаге).

Что еще страшнее, Наруто и Сасукэ сражались с полностью трансформировавшимся хвостатым зверем? Сакура не могла поверить в это - она не слишком разбиралась в зверях, которые, по слухам, когда-то составляли Десятихвостого, но даже она понимала, что такое чудовище далеко не под силу генину. (Тот факт, что они выжили, лишь еще больше укрепил ее в мысли, что Сакура - всего лишь маленькая девочка в команде сильных мира сего).

Потом Генма-сан рассказал ей, что в Коноху пришли еще двое преступников, и одна из их техник умудрилась отправить Сасуке и Какаши-сенсея в больницу почти на такой же срок, как и ее. "Какаши еще не должен был ходить, а Учиха все еще на постельном режиме". сказал Генма.

Сакура также узнала, что пропустила похороны Сандайме и возможность отдать дань уважения всем, кто погиб во время битвы, что вызвало у неё досаду на себя за то, что её так легко и надолго вывели из строя.

"О, - добавил Генма-сан, вспомнив кое-что. "Помнишь того джоунина из Сунагакуре, которого ты зарубила перед тем, как я тебя отправил?" В горле Сакуры поднялась желчь, но она кивнула: как она могла забыть? "Он выжил". Токудзё сообщил ей об этом, и она почувствовала облегчение. "Он будет калекой и, возможно, ему придется уйти с действительной службы, но он будет жить". И еще одна волна, похожая на мстительное удовлетворение, прогнала мимолетную мысль о том, что надо бы ему послужить, прежде чем Сакура решительно прогнала эту мысль.

"Спасибо, что рассказал мне". Она благодарно улыбнулась брюнету, стараясь передать всю свою признательность в этом единственном выражении. "И это все?" - тихо спросила она, когда Генма-сан ничего не ответил.

Она не ожидала, что он вдруг станет выглядеть на десять лет старше или что его вздох прозвучит так жалобно. "Нет", - прошептал он наконец, и когда его глаза встретились с ее глазами, Сакура ахнула от горя, прозвучавшего в них. "Нет. Сакура, мне так жаль..."

У Сакуры свело желудок.

Никогда, за все недели их знакомства, Генма-сан не называл ее по имени. Это всегда было "малыш" или "сопляк", и она знала, что через несколько недель они становятся терминами ласки, так что она привыкла к ним. Услышать свое имя из уст токудзё было скорее дурным предзнаменованием, чем благословением.

"Что случилось?" - слабо спросила она, ее голос внезапно стал сухим.

Генма-сан провёл рукой по лицу, на мгновение закрыв глаза. "Это был вызов". Он пробормотал. "Гигантский трехголовый змей, несомненно, один из Орочимару. Они вызвали его за воротами Деревни, чтобы никто не заподозрил, но потом... он проник в Деревню". Сакура затаила дыхание. "Он был слишком велик для горстки шиноби, и его невозможно было уничтожить одним дзюцу, каким бы сильным оно ни было. Прежде чем мы собрали достаточно сил, оно... оно уничтожило весь гражданский район".

Сакура почувствовала себя так, словно проглотила лед. Нет...

"Генма-сан...", - ее взгляд упал на одинокий букет у кровати, а на одном из табуретов лежала только форма, ни одного обычного платья или повседневной одежды из дома. Нет, нет, нет! "Генма-сан... мои родители...?" - она не могла закончить мысль, горло внезапно сжалось от слез, и она посмотрела на токудзё, надеясь, умоляя его сказать ей, что все будет хорошо.

Он покачал головой, его глаза были странно влажными. "Они были дома и, возможно, даже не поняли, что произошло..." Генма прервал себя. "Твой дом сровняли с землей, Сакура". Он подождал, давая ей возможность осознать последствия этих слов.

"Нет!" Сакура даже не поняла, что это она сказала. Ее голос был таким грубым, таким душераздирающим, таким не своим, но она не стала зацикливаться на этом. По лицу текли слезы, рыдания сотрясали тело, но она цеплялась за надежду. "Есть... есть шанс, что они сбежали!" - икала она. "Они могли выбраться, ты же не знаешь...!" - но она оборвала себя, увидев скорбный взгляд Генмы-сана.

"Я приходил к тебе домой на следующий день после вторжения, чтобы сказать твоим родителям, что ты ранена, но им не стоит волноваться". Он сделал паузу и откашлялся. "Они... они лежали на улице". Он закрыл глаза от душераздирающего всхлипа, вырвавшегося из розетки. "Весь район был. Я... я опознал тела. Мне так жаль".

На мгновение Сакура замерла.

А потом она сломалась, по ее лицу потекли слезы, и неистовые, душераздирающие рыдания сотрясали ее маленькую фигурку, с каждым всхлипом она повторяла мантру "нет, нет, пожалуйста, нет, о боже, нет". Не успев опомниться, Генма поднялся со стула и сел рядом с девушкой, обхватив ее за плечи и притянув к себе, позволяя ей плакать в его бронежилет, а он шептал бессмысленные утешения в ее волосы.

Они потеряли счет времени, но в какой-то момент Сакура задремала, обессилев от плача.

Когда она очнулась, Генма-сан снова сидел в своем кресле, и, хотя горе все еще было свежо в ее душе, глаза ее уже вытерли все слезы. "Вы сказали, что мой дом сровняли с землей". Она пробормотала, и голос ее звучал влажно и надломленно даже для ее ушей. "Я... Генма-сан, мне некуда идти после того, как меня освободят отсюда". Она кашлянула, чтобы прочистить горло. "Я официально стала взрослой, когда закончила школу, так что в приюте меня не примут, у меня нет ни родственников, живущих в Конохе, ни собственных денег, мне негде

остановиться".

Впервые с тех пор, как она очнулась в больнице, Генма-сан посмотрел на нее так, как обычно: с саркастическим недоверием. "Малышка, ты что, дура?" - и Сакура даже не успела обрадоваться возвращению старого прозвища или возмутиться вопросом. "Ты только что потеряла родителей - неужели ты думаешь, что я позволю тебе остаться где-нибудь еще, кроме как со мной?"

Когда Сакура уставилась на него широко раскрытыми глазами, он покачал головой, хотя на губах его играла небольшая улыбка. "У меня есть свободная комната для гостей, которой ты можешь воспользоваться, а моя квартира достаточно просторна для двоих, по крайней мере, пока не закончится процесс восстановления".

Но затем розочка снова стала хмурой. "Я не могу так навязываться вам, Генма-сан". Она протестовала, опустив глаза. Она не ожидала, что Генма-сан вдруг фыркнет и ударит ее по затылку.

"Если ты еще хоть раз подумаешь об этом слове, я заставлю тебя пробежать сотню кругов вокруг Конохи, как только тебя отсюда выпустят, клянусь периодом восстановления". Он пригрозил, и Сакура почувствовала, как в уголках ее губ заиграла маленькая, хотя и искренняя улыбка. Ее горе было еще свежим и будет таковым еще долгое время, но она была благодарна человеку, стоящему перед ней, так невероятно, непреклонно благодарна.

"Хорошо." прошептала она, глядя на него с надеждой. "Я бы хотела жить с вами".

Когда на следующий день ее выписали из больницы, Сакура настояла на том, чтобы сходить в свой старый дом, просто чтобы сверить то, как выглядел ее дом, с тем, что она ожидала увидеть из отчета Генмы-сана. Сам токудзё был рядом с ней, как настойчивая тень, излучая молчаливую поддержку и понимание, и Сакура не смогла бы выразить словами, насколько ей было приятно его присутствие, несмотря на то, что она чувствовала себя виноватой за то, что монополизировала его время.

То, что она увидела, когда они пришли в дом, заставило ее снова разрыдаться. Только маленький розовый куст на переднем дворе подсказал ей, что перед ней груда развалин - ее старый дом. Да еще намек на кухонный стол под тоннами обломков и бетона. На мгновение она замерла, впитывая в себя происходящее, а затем вздохнула и закрыла глаза, чтобы не дать волю рыданиям. Она кивнула Генме-сану, и они отправились в сторону кладбища, по пути заглянув в цветочный магазин Яманаки.

Мать Ино стояла за прилавком и улыбалась Сакуре, удивляясь ее появлению. Но улыбка исчезла, когда Сакура объяснила, какой именно букет она хотела бы получить, к большому недоумению Генмы-сана: в розочке были белые хризантемы, лилии и белые розы, а в центре - одна-единственная темно-пунцовая роза. Мама Ино спокойно разобралась и составила букет

так искусно, что Сакура чуть не улыбнулась, но женщина покачала головой, когда розоволосая предложила ей деньги на букет.

"Сакура-чан... кто?" - спросила она вместо этого.

Сакура должна была знать, что ее необычный выбор не пройдет мимо женщины, особенно если учесть, что именно ее дочь учила Сакуру значению каждого отдельного цветка, когда они были детьми. Сглотнув внезапно образовавшийся в горле комок, она пробормотала: "Мои родители, Яманака-сан". Сакура не успела ничего понять, как оказалась лицом к лицу с блондинкой, и та крепко обняла её.

"Мне так жаль, Сакура-чан". прошептала она ей в волосы. "Ты же знаешь, что тебе всегда рады в нашем доме, если понадобится".

"Спасибо, Яманака-сан". прошептала Сакура в ответ, бесконечно благодарная.

Взяв букет, она вышла из магазина и поблагодарила Генму-сана за то, что он подождал ее, пока они шли к кладбищу. Токудзё пожал плечами. "Без проблем. Вы ее знаете?"

Сакура пожала плечами. "Я была лучшей подругой ее дочери, когда мы были моложе". поделилась она, чувствуя легкую меланхолию.

""Дружила"?" повторил Генма-сан, приподняв бровь.

http://tl.rulate.ru/book/100820/3459957